М.Г. КАРБИВНИЧАЯ
*(Казанский федеральный университет,
Казань, Россия)*

УДК 821.161.1-2(Гришковец Е.)»19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,446

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ПЬЕСЕ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА «ОСАДА»

Аннотация. В статье анализируются способы репрезентации проблемы личностной самоидентификации в пьесе Е. Гришковца «Осада» в рамках оппозиции «Я – мир», раскрываются основные пути её развития и решения. Проблема личностной самоидентификации актуализируется за счёт включения ситуации коммуникативного провала и выстроенных на его основе коммуникативных моделей. Решение же проблемы осуществляется с помощью психо-аналитической символики, намечающей возможность иных, невербальных уровней коммуникации.

Ключевые слова: проблема личностной самоидентификации, коммуникативный провал, оппозиция «Я – мир», коммуникативные модели.

Проблема личностной самоидентификации, столь многогранно репрезентируемая в работах Е. Гришковца, находит разные пути реализации как в его монодрамах, так и в более или менее классических вариантах пьес. В некоторых монодрамах драматург решение проблемы личностной самоидентификации связывается преимущественно с оппозицией «Я – Я другой», как это характерно, например, для пьесы «Как я съел собаку». В «Одновременно» важным становится характер восприятия «Я», провоцирующий раскрытие проблемы самоидентификации через взаимодействие статичных и динамичных моделей «Я». В пьесе «Осада» (2003), являющейся предметом изучения в данной статье, жанровый формат монодрамы взрывается внутренней диалогичностью, при этом диалоги начинают играть концептуализирующую функцию.

В пьесе «Осада» проблема личностной самоидентификации решается в рамках оппозиции «Я – мир», где главным фактором самоидентификации становится возможность или невозможность

диалога «Я» с «миром». В качестве инструмента для репрезентации исследуемой проблемы в «Осаде» используется характерная для многих пьес Е. Гришковца ситуация коммуникативного провала. В самой пьесе намечается два плана: вербальный (ветеран, юноша, Первый, Второй и Третий воины, троянское пространство) и план действий (миф о Геракле, о Сизифе и Икар). Вербальный план связан с ситуацией коммуникативного провала, обнаруживающего проблему самоидентификации в диалоге «Я» с «Миром». Здесь, как и в других пьесах Е. Гришковца, по замечанию Т.Н. Бреевой, *«…демонстрируется конфликт между декларируемой коммуникативной ситуацией и невозможностью ее реализации»* [Бреева 2008: 84]. Коммуникативный провал раскрывается в пьесе посредством трёх коммуникативных моделей, которые нарочито обнажаются и буквализируются: ветеран – юноша, три воина и троянская ситуация осады.

В отношении коммуникации Ветерана и Юноши ситуацию диалога позволяет инициировать реминисцентная отсылка к лермонтовскому «Бородино», что подчёркивается парафразами *«А знаешь, какие раньше были люди! Богатыри! Таких* ***щас*** *нет …»* [Гришковец 2011: 95], которые напоминают *«Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри – не вы!»* [Лермонтов 1977: 9], а также самой номинацией персонажей: Ветеран и Юноша. Однако в тексте Лермонтова форма коммуникативного акта ветерана с молодым человеком выбрана не столько с целью создания ситуации диалога, сколько сопряжена с романтической традицией риторических обращений к читателю, и важной здесь становится, главным образом, проблема соотнесения легендарной героики прошлого и современной реальности. У Е. Гришковца же поэтический парафраз буквализируется и приобретает форму открыто выраженной коммуникации, что усугубляется проникновением в драматический текст разговорной стихии сниженного порядка. В письменном тексте это проявляется через нарушение орфоэпической речевой нормы «*Таких* ***щас*** *нет…»* [Гришковец 2011: 95 с.], иными словами, в драматургии Е. Гришковца противопоставление старого и нового превращается в проблему невозможности их диалога.

Коммуникативная модель трёх воинов разворачивается двояко. Во-первых, и без того открытая коммуникативная ситуация выстраивается как диалог о потребности в переговорах с вражеской стороной (осаждёнными), своего рода диалог о необходимости диалога, что тоже является способом буквализации коммуникативной

ситуации внутри данного варианта. Во-вторых, сюда включены попытки переговоров воинов с осаждённой стороной, которые столь открыто презентуются и не менее открыто проваливаются. Воины не только не достигают своей цели (перемирия с осаждёнными), но и вообще не получают ни единого слова, ответа или знака от своего адресата, возникает ощущение речи в пустоту, разговора с самим собой.

Обе коммуникативные модели объединяются троянским пространством осады, которое выстраивается через косвенное соотнесение всего происходящего с троянским мифом и «Илиадой». Сама отсылка к «Илиаде» уже буквализирует систему коммуникаций в отношении «Осады» игрой с первой строкой гомеровской поэмы, предполагающей начало коммуникативного акта: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына…». Следует вспомнить и то, что троянский цикл мифов, являющийся и собственно предысторией «Илиады», сам по себе также начинается со спора богинь о том, кто краше, и данный спор, уже символизирующий коренную проблему непонимания, приводит к более глобальному недопониманию, что и становится причиной осады, войны.

Кроме того, объединяющая функция характеризует образ богини, который сопутствует всей пьесе и производит некоторые условные манипуляции, в том числе, поднимает, в начале текста, и опускает, в конце, флаг, что служит для пьес Е. Гришковца знаком начала и завершения нарратива. Данное обстоятельство также буквализирует акты речевых коммуникаций пьесы, как бы закольцовывает пьесу, что придаёт ощущение некоей герметичности, замкнутости. Мифологические образы Ахиллеса, Одиссея, Троянского коня, богини и сама ситуация осады Трои пересекается с древнегреческими мифами о Геракле и Сизифе, а также с условно настоящим временем и образом Ветерана, который, в данном случае, оказывается объединяющим звеном, в результате чего появляются мифологические параллели, ассоциативно связывающие всё происходящее в пьесе и образующие единое коммуникативное пространство Трои и осады.

Так, троянская ситуация осады является единым коммуникативным полем, которая замыкает в себе и остальные коммуникативные модели. В данном контексте Троянская ситуация, Осада, согласно психоанализу, будучи по сути замкнутым пространством, своего рода «панцирем», становится метафорой замкнутости человеческого мира, человеческого «Я», невозможности человека вырваться за чётко нарисованные им же рамки, освободиться, и, следовательно,

невозможность его полноценного контакта и диалога с «миром», и, таким образом, невозможности самоидентификации личности.

Во всех трёх случаях фиксируются ситуация открытой коммуникации, которая, по сути, так и не состоялась. Несостоятельность речевой коммуникации проявляется через нарушения её процесса, которые фиксируются нарушениями внутри языковой общности или в результате словарной игры, также это могут быть разрыв означаемого и означающего, или нарушения причинно-следственных связей.

Провал коммуникации, осуществляемый разрастанием словарной игры, ведёт к непониманию как между трёмя Воинами, так и Ветераном и Юношей: *«Девальвация коммуникативной функции слова становится результатом разрушения единой языковой общности, семантика любого слова индивидуализируется в соответствии с субъектом речи»* [Бреева 2008: 84].

«***Юноша.*** *Что?*

Ветеран. *Что «что»?*

Юноша. *Вы сказали… дух?*

Ветеран *(Машет рукой). Да дух! Ты вообще знаешь, что такое дух?*

Юноша. *Ну,… знаю. Это… характер, воля к победе…*

Ветеран *(Перебивает. Передразнивает). Характер!… Ничё ты не понимаешь.»;*

…«***Ветеран.*** *… Он ушёл, вскоре возвращается, говорит: «Ребята, всё нормально, там только один дед…». Дед, понимаешь?*

Юноша. *Ну, понимаю. Дедушка.*

Ветеран *(Раздражённо). Нет, не дедушка! Дедушка, – это который с бабушкой. А это дед. Один. Старый такой человек, а не дедушка. Я же тебе точные термины говорю!*

Юноша. *Ну, хорошо, хорошо*» [Гришковец 2011: 100].

В процессе коммуникации между отправителем и получателем сообщения возникают постоянные субъективные барьеры, что объясняет недопонимание и при словесной игре трёх Воинов:

«***Третий воин.*** *Я боюсь, что меня не правильно поймут, но, тем не менее, я не могу больше молчать. Я должен сказать и скажу. Прошу вас, умоляю вас, услышьте меня! Так дальше продолжаться не может. Ситуация, в которой мы с вами оказались… Она патовая…*

Первый воин. Какая?

Третий воин. *Патовая. Это из шахмат. Шахматный термин. Значит безвыходная, безысходная.*

Первый воин. *А, понятно.*

Третий воин. *Тупиковая!*

Первый воин. *Я понял. Патовая.*

Третий воин. *Никто уже не помнит, по какой причине мы приплыли сюда и стоим под этими стенами. Каждый день мы теряем наших друзей и товарищей. Мы теряем лучших из нас. Так дальше продолжаться не может и не должно! Мне представляется, что у нас остался один единственный выход, друзья мои… Мы должны попробовать начать договариваться.*

Первый воин. *Чего попробовать начать?*

Третий воин. *Попробовать вступить в мирный диалог.*

Первый воин. *Куда попробовать вступить?*

Третий воин. *Инициировать переговоры.*

Первый воин. *Чего сделать?*

Третий воин. *Иници… Ну, то есть, начать переговоры.*

Первый воин. *С кем?*

Третий воин. *Ну, с кем, с кем?*

Первый воин. *Ну, с кем вести переговоры?! С кем?!*

Третий воин *(Делает жест в сторону зрительного зала). С ними, с кем еще?*

Первый воин. *С кем, с ними? С врагами с нашими, что ли?!*

Третий воин. *Почему с врагами? Зачем так?*

Первый воин. *А с кем?*

Третий воин. *Ну-у-у… С соперниками… С оппозицией.*

Первый воин. *А, с оппозицией? То есть, ты предлагаешь прекратить нашу военную операцию под названием «Осада» и начать неизвестно, какую операцию: «Куда-то там вступить»?*» [Гришковец 2011: 104 – 105].

Итак, получается, что действующим лицом произносится слово, которое не понимается другим участником диалога и нуждается в пояснении. Как следствие, слово обрастает синонимами, которые, казалось бы, должны объяснить его смысл, но в результате происходит обратное: лексические синонимы превращаются в контекстуальные антонимы, и коммуникация обрывается полным непониманием. Такая игра словами формирует пустое слово, неспособное быть единицей коммуникации, доносящей смыслы и идеи.

В общении Ветерана и Юноши несостоятельность вербальной коммуникации декларативно отражается в некоторых фразах самого ветерана: «***Ветеран.*** *… Я люблю с людьми поговорить. Но сейчас и поговорить-то не с кем! Я вот с кем-нибудь начинаю говорить… А*

мне достаточно пятнадцать минут и мне всё понятно о человеке. Ни с кем больше пятнадцати минут не разговариваю. Не о чем сейчас с людьми разговаривать …» [Гришковец 2011: 95].

Кульминацией непонимания в варианте коммуникаций Ветерана и Юноши можно считать немногочисленные монологи юноши, резюмирующие рассказы Ветерана:

«***Юноша.*** *Бред какой-то. Я, конечно, может чего-то не понимаю, но, по-моему, я попал. Вот нарвался на этого мужика. Он уже битый час прогоняет какую-то свою тему. Несёт чего-то такое, чего-то такое… Что раньше, мол, были такие люди, а теперь какие-то не такие. Типа раньше были все богатыри, и женщины были… Лучше… И всё говорит: «Раньше, раньше…». А что значит раньше? Ему что, сто лет, что ли? Когда это раньше?… Но, я из разговора понял, что он, вроде, человек военный или как-то с этим был связан. Потому что, как он говорит, раньше он часто ходил в лес по делам…*» [Гришковец 2011: 120].

Помимо пустого слова, коммуникативный провал осуществляется ещё и за счёт разрыва означаемого и означающего**,** ярче всего это представлено в диалогах Воинов, как между собой, так и в речи, направленной к оппозиции. Так, в попытке переговоров номер два, когда Первый воин под руководством Третьего воина в рупор обращается к осаждённым с речью, предлагающей мир, в устах Первого слова с призывом к миру начитают звучать как требование подчинения:

Третий воин *(Подсказывает). Скажи спокойно и нормально: «Мы пришли с миром».*

Первый воин *(В рупор). Мы пришли с миром! И это нормально!*

Третий воин *(Подсказывает). Мы готовы забыть все взаимные обиды, которые нанесли друг другу.*

Первый воин *(В рупор). Мы готовы забыть взаимные обиды, которые вы нам нанесли! Мы готовы, и это нормально!*

Третий воин *(Перебивает). Ну, что ты?! Ты же опять всё напутал.*

Первый воин. *Ничего я не напутал, это ты меня всё время путаешь. Если не нравится, то давай сам.*

Третий воин. *Нет-нет, давай ты, но только предельно внимательно… Скажи так: «Мы надеемся на то, что толерантность, с которой мы…*

Первый воин *(Перебивает). На что… на чего мы надеемся?*

Третий воин. *На толерантность! На толерантность, пойми - это же нормально.*

Первый воин. *Толерантность?*

Третий воин. *Да, правильно, у тебя получилось, давай!*

Первый воин *(В рупор). А мы ещё и на толерантность надеемся! И это нормально! Если кто-то из вас не знает, это шахматный термин, то есть тупиковость, безвыходность. И мы на неё надеемся. И мы ждём, что вы осознаете свою эту тупиковую толерантность, потому что это нормально. Вы поймите, мы не звери! И мы даём вам одну минуту на то, чтобы вы… поняли… всю толерантность и подали нам соответствующий знак или сигнал, чтобы мы поняли, что вы поняли»* [Гришковец 2011: 136 – 137]. Так, смысл слов и действия Первого воина перестают быть равны друг другу, когда он даёт осаждённым минуту на размышление.

Такой же разрыв означаемого и означающего возникает в разговоре об Ахиллесовой пяте Первого и Третьего воина, где Первому воину почему-то приходит в голову, что, если у Ахилла дар и он весь кроме пяты неуязвим, то это означает, что его – живого человека – можно проткнуть и ничего ему не будет.

Провал коммуникации, вызванный нарушением причинно-следственных связей в результате словесной рокировки возникает внутри рассказа ветерана о столкновении их отряда с неким дедом, повредившим ногу: *«Тогда я говорю: «Ну ты даёшь, дед! Тут надо три дня и в три раза больше народа, у нас времени нет, ты нам еду не готовь, мы пойдём». А он говорит: «А я вам тогда не буду еду готовить, если вы не будете работать». А я ему отвечаю: «Наоборот, дед, это мы тебе помогать не будем, поэтому нам не надо готовить». А он своё: «Тогда я вам не буду готовить, если вы не будете помогать». Я к нему подошёл и говорю ему: «Ты не понял, дед! Это мы тебе помогать не будем, поэтому не надо…». В общем, поссорились мы с этим дедом»* [Гришковец 2011: 102].

Мифологический пласт пьесы, связанный с образами Икара, Сизифа и Геракла (Бубнилы) представляет собой невербальный план действий, который намечает возможные пути преодоления провала коммуникаций «Я» и «мира». Геракл и Сизиф, в отличие от Икара, являются не действующими лицами, а персонажами ностальгических рассказов Ветерана. Оба персонажа ставятся в ситуацию необходимости выполнения действия, и в обоих случаях намечается непосильность выполнения поставленной задачи, однако, оба случая

предлагают полярно различные варианты репрезентации проблемы личностной самоидентификации в системе «Я – мир».

В ситуации с Чудаком-Сизифом непосильность задачи утверждается фиксированием невозможности реализации традиционных моделей коммуникации: ему не удаётся закатить камень на гору, но, истолковав действия Сизифа неправильно (происходит разрыв означаемого и означающего), камень закатывает вместо него пьяный отряд, желая помочь, в результате чего происходит очередной провал коммуникации. Так, символическая немота Сизифа, в данном случае, позволяет утвердить несостоятельность речевой коммуникации как пути к диалогу, к пониманию «Я» и «мира».

В ситуации с Бубнилой (Гераклом) непосильность задачи, наоборот, преодолевается, фиксируя возможность поиска более состоятельных, альтернативных, нетрадиционных моделей коммуникации. Здесь фабульной основой становится первый подвиг Геракла – Авгиевы конюшни. Непосильность задачи здесь задаётся через собственно-мифологический контекст и усугубляется отказом отряда в помощи Деду почистить конюшню. Примечательно, что в отношении самого Бубнилы сразу отмечается его речевая дефектность и, следовательно, невозможность к полноценной речевой коммуникации, что образует парадокс: именно Бубнила преодолевает коммуникативный провал отряда с Дедом, и помогает ему, очистив загаженную конюшню. Непосильность задачи преодолевается и, таким образом, подвиг Геракла в пьесе «Осада» намечает одну из стратегий решения проблемы диалога «Я» и «Мира», где состоятельной становится не вербальная коммуникация, а поступок, приходящий через понимание и сочувствие человека человеком.

Центральным и синтезирующим образом в данной триаде становится Икар, который, как и троянское пространство, обнажает психоаналитическую символику. В пьесе Икар является единственным персонажем, который абсолютно нем (исключая богиню) и связан исключительно с инженерно-испытательскими манипуляциями на сцене: разработкой крыльев и их испытанием. И, если осаждённая Троя как герметичное, замкнутое пространство являет собой метафору ограниченности и абсолютной замкнутости человеческого «Я», то образ Икара, наоборот, отсылает к ситуации полёта как психоаналитическому символу полного освобождения человеческого «Я» от замыкающего его «панциря», рамок, не смотря на трагический финал истории Икара. В данном отношении примечательно и упоминание Юношей в финале пьесы сообщения по радио о братьях

Райт, которые первыми в мире совершили полёт расстоянием в триста ярдов, что оказалось очень важным как для братьев, так для всего мира. Таким образом, позитивная психоаналитическая смысловая наполненность полёта как символа свободы намечает потенциальную возможность создания коммуникаций нового уровня, которые смогли бы решить проблему диалога «Я» и «мира».

ЛИТЕРАТУРА

Бреева Т. Н. Значение коммуникативного провала в пьесах Е. Гришковца // Современная российская драма: сб. ст. и матер. междунар. науч. конф. (27 – 29 сентября 2007 г.). – Казань, 2008. – С. 84 – 91.

Гришковец Е. В. Осада // Сатисфакция: сб. – М.: Махаон, 2011.– С. 91 – 159.

Лермонтов М. Ю. Бородино // М. Ю. Лермонтов. Стихотворения и поэмы: сб. / М.: Худ. лит., 1977. – С. 9.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Т.Н. Бреевой